

Ирина Вячеславовна Пчеловодова – этномузыковед,
кандидат филологических наук,
научный сотрудник отдела филологических исследований,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН,
(Ижевск, Россия),
orimush@mail.ru

Irina V. Pchelovodova – Ethnomusicologist, Ph.D. of Philological sciences,
Researcher at the Department of Philological Research,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Udmurt Federal Research Center of the Ural branch
of the Russian Academy of Sciences,
(Izhevsk, Russia),
orimush@mail.ru,
ORCID 0000-0002-5553-0100

УДК 780.6

DOI 10.61908/2413-0486.2024.38.2.75-89

ТРАДИЦИОННЫЕ АЭРОФОНЫ УДМУРТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОЧНИКОВ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ)

Аннотация

В статье освещается бытование удмуртских традиционных музыкальных инструментов на основе этнографических источников XVIII – первой половины XX веков. Именно они представляют наибольшую ценность с точки зрения информации об использовании музыкальных инструментов в обрядовой ситуации прошлых веков, описания как самого инструмента, так и исполняемой на нём музыки. Исследование ограничивается группой аэрофонов как наиболее архаичного пласта инструментальной культуры удмуртов. Как показал обзор источников, в зависимости от статуса автора и его задач, сведения либо ограничиваются упоминанием инструмента в рамках обряда, либо содержат полноценное описание инструмента, способов игры на нём, а также его роли в жизни этноса.

Ключевые слова: удмурты, традиционные музыкальные инструменты, аэрофоны, бытование, этнографические источники XVIII – начала XX веков

TRADITIONAL AEROPHONES OF THE UDMURTS
(BASED ON THE MATERIALS OF THE XVIII – XX CENTURIES)

Abstract

The article examines the existence of Udmurt traditional musical instruments based on ethnographic sources of the XVIII – first half of the XX centuries. They are the most valuable in terms of information about the use of musical instruments in the rituals of the past centuries, descriptions of both the instrument itself and the music played on it. The study is limited to the group of aerophones as the most archaic layer of the Udmurt instrumental culture. As the review of sources shows, depending on the status of the author and his tasks, the information is either limited to mentioning the instrument within the framework of any ceremony, or contains a full description of the instrument, ways of playing it, as well as its role in the life of an ethnic group.

Keywords: Udmurts, traditional musical instruments, aerophones, functioning, ethnographic sources of the 18th – early 20th centuries

Введение

Традиционные музыкальные инструменты представляют собой часть огромного культурного достояния этноса. Сегодня традиционный инструментарий прочно занял свою нишу как в практической деятельности музыкантов и коллективов, так и в научной сфере – в трудах исследователей разных направлений (музыковедов, фольклористов, этнографов, культурологов, лингвистов и т. д.). Однако базовой сферой научного осмысления вопросов, касающихся бытования, мифологических представлений, терминологии, эргонологии, генезиса, приёмов игры на музыкальных инструментах, репертуара и жанровой системы, а также роли личности, является этноинструментоведение.

Удмуртское этноинструментоведение как отдельное научное направление формируется в середине XX века, что приводит к целенаправленному сбору и изучению музыкальных инструментов удмуртов музыковедами и музыкантами-практиками. Первым научным трудом, посвящённым не просто описанию, но также анализу наигрышей, отдельных

исполнительских приёмов с музыковедческих позиций, по праву считается статья советских музыковедов Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд «К изучению музыкального и поэтического стиля удмуртской народной песни» [5], построенной на материалах фольклорных экспедиций 1937 года. До этого времени сведения об удмуртской инструментальной традиции в качестве вспомогательной дополнительной информации можно обнаружить в трудах учёных-этнологов и путешественников, начиная с конца XVIII века. Однако именно они представляют наибольшую ценность, так как записаны в момент активного бытования музыкальных инструментов в обрядовой ситуации. Несомненный интерес вызывают описания конструкции инструментов, а в некоторых случаях и музыки, исполняемой на них.

В этой связи цель статьи – осветить функционирование музыкальных инструментов удмуртов на основе опубликованных этнографических источников XVIII – начала XX веков. Исследование ограничивается группой аэрофонов в силу архаичности этого пласта инструментов.

*Этнографические источники XVIII–XIX веков
(дореволюционный период)*

Опубликованные источники XVIII–XIX веков своей главной целью ставили описание «религии, пантеона языческих богов, молений, различных обрядов удмуртов» [13, с. 9], поэтому основное внимание отводилось этнографической составляющей. Остальная информация приводилась лишь попутно, в качестве дополнительного материала. Этот же принцип относится и к музыкальным инструментам. Самые ранние сведения о музыкальных инструментах удмуртов содержат краткую информацию об их бытовании, иногда с обозначением обряда, где инструмент был услышан автором-путешественником.

Одним из ранних этнографических трудов являются путевые записки русского учёного и путешественника Н. П. Рычкова [18]. В начальных

строках своего труда автор пишет о вотяках, проживающих в Уфимской провинции¹, добавляя, что они «сохранили те самые законы, которые почитали их древние прародители» [18, с. 157]. К сожалению, путешественник не оставил удмуртских названий музыкальных инструментов, отметив лишь бытование в данной местности волынки, гудков и гусель в рамках свадебной обрядности, обеспечивающих «лучшее веселие пирующих в день новобрачных» [там же].

О тех же инструментах, звучащих во время удмуртской свадьбы, за исключением гудка, упоминает и другой учёный-путешественник немецкого происхождения И. Г. Георги, при этом добавляя ряд новых музыкальных инструментов – балалайку и губной орган². Согласно замечанию данного автора, игра на этих инструментах имела плясовой характер: «Они [удмурты] пляшут по волынке, по балалайке, по гусям и по губному органу» [3, с. 52].

А. Ф. Риттих, российский военный деятель и этнограф, при описании свадебного обряда удмуртов Казанского и Мамадышского уездов³ упоминает об игре на гармони, балалайке и пузыре (волынке) во время угощения гостей [17, с. 17]. Остаётся под вопросом, какая музыка могла тогда звучать, но, исходя из своего знания современной традиции, можем предположить, что это могли быть традиционные гостевые напевы, сопровождаемые игрой на музыкальных инструментах.

Совершенно иной круг аэрофонов раскрывается в этнографическом очерке В. Кошурникова «Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской

¹ Современная территория Республики Башкортостан.

² Не совсем ясно, о каком инструменте идёт речь. Возможно, это ротовой лук. Сведения о бытовании подобного инструмента под названием *домбро* зафиксированы удмуртским этномузыковедом И. М. Нуриевой в традиции завятских удмуртов, проживающих в Балтасинском районе Республики Татарстан. Инструмент изготавливался из согнутой ивовой ветви толщиной с палец, на которую были натянуты струны из овечьих жил; один конец инструмента прикладывали ко рту, а правой рукой перебирали струну [12, с. 16].

³ Современные Балтасинский и Кукморский районы Республики Татарстан.

губернии»⁴ [8]. Помимо вышеназванных струнных инструментов (гусли, балалайка), впервые представлена информация о флейтовых инструментах: «Вотyak-охотник хорошо подражает крику и писку птиц и кроме того запасается дудками и свистушками для рябчиков, тетеревов и уток» [8, с. 13; *курсив мой.* – И. П.]. К сожалению, удмуртских названий автор тоже не приводит, но небольшая реплика даёт возможность понять, в какой среде бытовали обозначенные инструменты, а именно, среди охотников. Таким образом, открывается новая область применения свистулек в удмуртской традиции – в конце XIX века они имели прикладное назначение в промысловой деятельности удмуртов. Этот немаловажный факт подтверждают и современные экспедиционные находки – это рябчиковые манки из кости куницы, найденные в археологических раскопках городища Иднакар (совр. Глазовский район Удмуртской Республики), датируемого X – XIII веками [6, с. 156], и манки из липы, побегов ивы и гусиного пера, изготавливаемые современными охотниками [10]. То есть время использования данных инструментов охватывает более двух столетий!

В этом же уезде в конце XIX века бытование музыкального инструментария фиксирует священнослужитель и учёный Г. Е. Верещагин в своей книге, посвящённой удмуртам Сосновского края Сарапульского уезда⁵ [1]. Сведения о них исследователь размещает в разделе «Игрушки детские» [1, с. 187–196]. Этот момент очень важен для понимания роли музыкальных инструментов в традиционной культуре удмуртов в области детского звукотворчества. Именно эта сфера часто остаётся за пределами внимания исследователей. Среди всего корпуса указанных Верещагиным игрушек выделяются различные свистульки и кукла-свистулька. Большую ценность представляет детальное описание внешнего вида куклы-свистульки и объяснение способов игры на ней: «Это глиняный болван утки с пустотой

⁴ Сарапульский уезд Вятской губернии охватывал часть юго-запада, южную и юго-восточную часть современной территории Удмуртской Республики.

⁵ Современный Шарканский район Удмуртской Республики.

внутри; по бокам болвана небольшие дырочки, а в конце, изображающем хвостик, отверстие как у оловянной свистульки полицейских служителей. Взявши уткообразную свистульку за оба бока между большим и указательным пальцами обеих рук, конец хвостика берут в губы и дуют в плоское отверстие в конце хвостика; при этом кукла свистит, а для разнообразия звуков боковые дырочки попеременно то закрываются, то открываются указательными пальцами» [там же, с. 189–190]. Приводимое описание прямо указывает на глиняные окарины, которые до сих пор функционируют в удмуртской культуре.

В этой связи интерес вызывает первая часть названия инструмента – почему «кукла»? Думается, ответ кроется в самой книге. Напомним, что данный инструмент отнесён Верещагиным в раздел, посвящённый детским игрушкам. Более того, зафиксированные в начале XXI века экспедиционные сведения подтверждают «детское» функционирование глиняной свистульки в удмуртской культуре как в обрядовой, так и в необрядовой обстановке.

Обрядовое назначение этого инструмента несёт в себе магическую символику. В частности, в 2005 году автором статьи обнаружена информация об игре детьми на глиняных свистульках *сюй шулан* во время удмуртского праздника *гырон быдтон* – обряда-благодарения в честь окончания посевных работ, приуроченного к началу периода *Инвожо* (Летнего солнцестояния). В удмуртской традиционной культуре этот период считается переходным, а потому кризисным [2, с. 83]. Игра на глиняных свистульках, согласно представлению удмуртов, способствовала его благополучному прохождению, так как функция свистящих звуков была направлена, в том числе, и на защиту от потусторонних сил, представляющих опасность в переломные моменты календарного года. Играть на глиняных свистульках в другое время запрещалось во избежание нанесения вреда будущему урожаю [11, с. 6]. В настоящее время глиняные свистульки остаются прерогативой детской аудитории [15].

О научном подходе в описании волынки и её бытования в культуре бесермян⁶ свидетельствуют данные из статьи Н. П. Штейнфельда «Бесермяне. Опыт этнографического исследования» [21]. Материалы показывают обязательное присутствие волынщика на бесермянской свадьбе. Любопытное наблюдение исследователь оставляет относительно исполняемой музыки: «волынщик не аккомпанирует певцам, а играет самостоятельно в промежутке между пением, так что музыка длится непрерывно» [21, с. 243]. Данное замечание показывает равноправное положение музыканта с инструментом, наряду с певцами, в то время как предыдущие сведения описывали игру на волынке как аккомпанирующего элемента к песне или пляске в ансамбле с другими инструментами.

Не менее важным моментом работы является описание магической функции звучания волынки, хотя сам автор этого не акцентирует. Как известно, невеста во время свадьбы обладает статусом лиминального существа, а потому, согласно народным представлениям, более всего подвержена отрицательному воздействию окружающего пространства. Одним из оберегов новобрачной в бесермянской традиции выступают звуки волынки, так как свой наряд невеста надевает лишь после проведения следующей процедуры: «все, кроме невесты, уходят в дом её отца и здесь посреди избы складывают в груду все предметы свадебного наряда невесты – подарок жениха. Вокруг этой одежды образуют хоровод, который под звуки волынки пускается в пляс, хлопая в такт музыке ладошами» [21, с. 245]. Охранительная функция звучащей волынки проявляется и во время процессии участников свадьбы, в том числе молодых, к реке или проруби,

⁶ «Бесермяне (самоназвание *бесер*, *бесерман*) – этническая группа, проживающая на северо-западе Удмуртии. В своей основе потомки южноудмуртского населения, испытавшего сильное и длительное влияние со стороны тюрков (отсюда этнокультурная связь с булгарами, татарами, чувашами, а также сам термин “чуваш”, которым называют бесермян источники XVII в.)» [цит. по: 19, с. 31].

где приносят жертвоприношение *Ву кузё* (водяному) с целью его умилоствления [21, с. 246].

Таким образом, отсутствие информации о конструкции волынки компенсируется подробными сведениями о её функционировании в традиции бесермян. Впервые выделяется магическая функция волынки в свадебном обряде, что объяснимо характерным для этого инструмента звучанием – громким, ярким. Как известно, в традиционной культуре именно громкие звуки призваны отпугнуть злых духов. Ценностью данного материала является описание игры на волынке: инструмент выступает не столько аккомпанирующим инструментом, сколько равноправным исполнителем свадебного напева наряду с певцами.

В конце XIX века выпускаются так называемые азбуки или учебники русского языка для удмуртов. Важную для нас информацию среди прочих разделов содержат разделы по музыкальной культуре. Этнографической информации в этих учебниках нет, но в них отображаются национальные наименования музыкальных инструментов. В частности, в «Первоначальном учебнике русского языка для вотяков» за 1892 год в разделе «Музыка и игрушки» из аэрофонов приводится термин *шулан* для обозначения дудки и свистка [14, с. 42].

Обзор этнографических источников XVIII–XIX веков выявил активное бытование волынки в качестве свадебного инструмента в традиции удмуртов, проживающих на территории современных республик Башкортостан (закамские удмурты) и Татарстан (завятские удмурты), а также в традиции бесермян. Инструментальная культура собственно удмуртов представлена исследованиями по южной части современной республики. Здесь авторы выделяют использование свистулек в промысловой деятельности (охота) и в детской среде.

*Этнографические источники первой половины XX века
(раннесоветский период)*

Среди этнографических работ первой половины XX века можно выделить лишь единицы. Этот период обозначен работами священнослужителей, которые, наряду со своей деятельностью, охотно собирали сведения о традиционной культуре удмуртов, в том числе о музыкальных инструментах.

Так, К. Сатрапинский, священник прихода Укан Вятской губернии Глазовского уезда⁷, приводит первое описание волынки, бытующей у бесермян этого прихода [9]. Волынка представляет собой «подобие бычачьего пузыря, сшитая из выделанной кожи с двумя небольшими рукавами и со вложенными в них деревянными трубочками, наподобие цевки, из коих одна служит для наполнения пузыря воздухом, что приводится вдыханием, другая для выпуска этого воздуха, что производится давлением, с языком, как у кларнета, и нарезками для пальцев для произведения разнообразия звуков, утверждённая одним концом в рог какого-либо животного, преимущественно большой козий с тою же целью» [9, с. 272]. Согласно этим сведениям перед нами предстаёт инструмент, состоящий из воздушного резервуара и двух трубок – для вдувания и мелодической с раструбом.

Другим направлением этого периода является целенаправленный сбор предметов обихода для музейных фондов страны. В частности, активную деятельность в этой области ведёт Российский этнографический музей (Санкт-Петербург). По его заданию в 1906 году земским учителем из села Шаркан И. К. Зеленовым осуществлялся сбор материалов по бесермянской культуре в Глазовском уезде Вятской губернии⁸. Благодаря этому была сформирована коллекция Зеленова, состоящая из 119 предметов [20]. В число

⁷ Современное с. Укан Ярского района Удмуртской Республики.

⁸ Современные Игринский, Глазовский, Кезский, Балезинский, Юкаменский, Ярский районы Удмуртской Республики.

предметов из свадебного ритуала бесермян вошёл и музыкальный инструмент *быз* (волынка). Его описание мы находим в статье удмуртского исследователя А. М. Карпова «Древние музыкальные инструменты»: инструмент «имел выделанный из телячьей кожи “мех” с короткой деревянной трубкой сбоку, на другом конце монтировалась мелодическая трубка с 5-ю отверстиями; две “басовые”, бурдонные трубки, объединённые тонким ремешком с рожком на конце..., для быза были характерны пищики из камыша» [7, с. 16]. В данном описании представлена волынка более сложной конструкции, имеющая помимо мелодической трубки две бурдонные, объединённые ремешком.

Этнографические материалы по удмуртской традиционной культуре в это время активно собираются и зарубежными исследователями. Интересные заметки в виде писем оставил финский учёный Уно Хольмберг, побывавший у закамских (Куединский район Пермского края) и завятских удмуртов (Кукморский и Балтасинский районы Республики Татарстан) в 1911 году [16]. Согласно этим сведениям, здесь продолжает активно функционировать волынка. Игра на ней сопровождает свадебное застолье, когда *тэро* (главный распорядитель обряда) угощает присутствующих традиционным алкогольным напитком *кумышка*. Обращает на себя внимание восприятие музыки, исполняемой на волынке, сторонним слушателем в противовес традиционному: «По-моему, мелодия тоскливая, монотонная; однако, по мнению вотяков, это веселая свадебная музыка» [16, с. 102].

Послереволюционный период (1920–1930-е годы) связан с активной собирательской деятельностью отечественных учёных, в том числе и удмуртских исследователей. Наиболее яркой личностью среди них является удмуртский поэт, критик, учёный, общественный деятель Кузубай Герд, который ещё в первой половине прошлого столетия ставил проблему фиксации материалов по музыкальным инструментам удмуртов, о чём свидетельствует следующий отрывок из его письма любителю-краеведу

Ф. В. Стрельцову от 3 июня 1928 года: «...И, конечно, в программу по собиранию сведений по музыкальным инструментам вотяков Вы можете включить всё то, что в ней недостаёт. Чем больше будет вопросов, тем лучше. В отделе “Кубыз” можете включить вопросы Ильина. Я нисколько не возражаю, да и было бы смешно возражать» [4, с. 357]. К сожалению, нам не удалось обнаружить вопросов, на которые Герд указывает в письме как «вопросы Ильина»⁹. Остается так же догадываться, о какой программе по собиранию сведений об удмуртских музыкальных инструментах идёт речь.

Выводы

Таким образом, этнографические источники XVIII – начала XX веков дают возможность очертить круг музыкальных инструментов, активно функционировавших в тот период. Среди всех аэрофонов наибольшее внимание в трудах занимает волынка, зафиксированная в традиционной культуре бесермян, а также в традиции периферийно-южных групп удмуртов, проживающих на территории современных республик Башкортостан и Татарстан. Сам инструмент вышел из употребления в середине прошлого столетия. Однако его описание, сведения о применении и значении для этноса, представленные в этнографических источниках, открывают огромный потенциал для его реконструкции. Сегодня этот процесс активно ведётся бесермянским сообществом: в 2022 году впервые состоялся Всероссийский фестиваль волынщиков и возрождённых народных музыкальных инструментов разных народов «Звуки прошлого», который стал площадкой для реконструкции бесермянской волынки *быз*.

Другие инструменты (свистульки из веток деревьев, листьев, стволов растений, глиняные свистульки) до сих пор продолжают функционировать в детской среде и в охотничьем промысле. Более того, современный мастер по

⁹ В научном архиве УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН хранятся рукописи М. Ильина под № 188, 190, 192, 194, 197, 199, 207, 519, 522, но ни в одном из них не удалось обнаружить подобных сведений.

керамическим изделиям А. М. Степанов, опираясь на образы из удмуртской мифологии, разработал новую форму глиняной свистульки, обозначив её как *мугур* (букв.: напев/мелодия земли). Инструмент представлен в виде птицы (утки/лебедя) с расправленными крыльями. Его звучание приобрело глубокий, насыщенный тембр.

На наш взгляд, исчезновение одних инструментов и бытование других показывает устойчивость тех традиционных комплексов, которые жизненно необходимы для этноса. Охота в окружении лесного ландшафта до сих пор остаётся одной из важных составляющих промысловой деятельности удмуртов. В то же время современные формы проведения свадьбы вытеснили прежние, что повлекло за собой исчезновение и музыкального инструментария (в частности, волынки). Благодаря этнографическим материалам прошлых столетий мы сохраняем этническую память и имеем возможность её ретрансляции в современную жизнь.

Литература и источники

1. Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. СПб, 1886. 218 с.
2. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: УИИЯО УрО РАН, 1997. 354 с.
3. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 1: О народах финского племени, известных по истории российской под общим именем Руссов. СПб, 1799. 76 с.
4. Герд К. Собрание сочинений. В шести томах. Т. 4: Стихотворения, поэмы, переводы, статьи, научные работы, письма / Сост., авт. предисл., коммент. Ф. К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 2004. 383 с.
5. Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. К изучению музыкального и поэтического стиля удмуртской народной песни // Записки УдНИИ. Вып. 10. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1941. С. 61–88.
6. Иванова М. Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
7. Карпов А. М. Древние музыкальные инструменты (К этнографическому изучению) // Истоки искусства Удмуртии. Сборник статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. С. 12–22.
8. Кошурникова В. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань: Тип. Император. Казан. ун-та, 1880. 44 с.
9. Луппов П. Н. Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX века. Вятка: Губернская типография, 1911. 318 с.

10. Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН. Магнитофонная кассета № 201, 2005.
11. Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН. Дело № 2Н-1383«б», 2005, 40 с.
12. Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов. Вып. 2. Ижевск: УИИЯЛ Уро РАН, 2004. 332 с. (Удмуртский фольклор).
13. Нуриева И. М. Удмуртская музыкальная фольклористика. Страницы истории. Ижевск, 2021. 179 с.
14. Первоначальный учебник русского языка для вотяков. Казань: Изд. Православ. миссионер. о-ва, 1892. 121 с.
15. Попова Е. В. Игрушки из растений в детской игровой культуре удмуртов и бесермян // Традиционная культура. 2005. № 3. С. 85–93.
16. Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг. СПб, 2014. 224 с. (серия «Финляндия в России»).
17. Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. XIV. Ч. 2. Казань, 1870. 225 с.
18. Рычков Н. П. Журнал или путевые записки 1769–1770. СПб: Имп. Акад. наук, 1770. 189 с.
19. Удмурты. Историко-этнографические очерки / науч. ред. В. В. Пименов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. 388 с.
20. Фролова И. С. Комплектование коллекций по этнографии бесермян в собрании Российского этнографического музея // О бесермянах. Сборник статей. Ижевск, 1997. С. 121–129.
21. Штейнфельд Н. П. Бесермяне. Опыт этнографического исследования // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 г. Вятка, 1894. С. 220–259.

References

1. Vereshhagin G. E. Votjaki Sosnovskogo kraja [Votyaki of the Sosnovsky region]. Saint Petersburg, 1886. 218 p.
2. Vladykina T. G. Udmurtskij fol'klor: problemy zhanrovoj evolyucii i sistematiki [Udmurt folklore: problems of genre evolution and systematics]. Izhevsk: UIIYAO UrO RAN, 1997. 354 p.
3. Georgi I. G. Opisanie vsekh obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov: ih zhitejskih obryadov, obyknovenij, odezhd, zhilishch, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamyatnostej. CH. 1: O narodah finskogo plemeni, izvestnyh po istorii rossijskoj pod obshchim imenem Russov [Description of all the peoples living in the Russian state: their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, religions and other memorabilia. Part 1: About the peoples of the Finnish tribe, known in Russian history under the common name of the Russ.]. Saint Petersburg, 1799. 76 p.
4. Gerd K. Sobranie sochinenij. V shesti tomah. T. 4: Stihotvoreniya, poemu, perevody, stat'i, nauchnye raboty, pis'ma [Collected works. In six volumes. Vol. 4: Poems, poems,

- translations, articles, scientific works, letters]. Comp., author's preface, comment. F. K. Ermakov. Izhevsk: Udmurtiya, 2004. 383 p.
5. Gippius E. V., Jeval'd Z. V. K izucheniju muzykal'nogo i pojeticheskogo stilja udmurtskoj narodnoj pesni [To the study of the musical and poetic style of the Udmurt folk song]. *Zapiski UdNII. Vy`pusk 10* [Notes of UdNII. Issue 10]. Izhevsk: Udmurtgosizdat, 1941, pp. 61–88.
 6. Ivanova M. G. Idnakar: Drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv. [Idnakar: Ancient Udmurt settlement of the IX–XIII centuries]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, 1998. 294 p.
 7. Karpov A. M. Drevnie muzykal'nye instrumenty (K jetnograficheskomu izucheniju) [Ancient musical instruments (For ethnographic study)]. *Istoki iskusstva Udmurtii. Sbornik statej* [The origins of the art of Udmurtia. Collection of articles]. Izhevsk: UIIJaL UrO AN SSSR, 1989, pp. 12–22.
 8. Koshurnikova V. Byt votjakov Sarapul'skogo uezda Vjatskoj gubernii [The life of the Votyaks of the Sarapulsky district of the Vyatka province]. Kazan': Tip. Imperator. Kazan. un-ta, 1880. 44 p.
 9. Luppov P. N. Materialy dlja istorii hristianstva u votjakov v pervoj polovine XIX veka [Materials for the history of Christianity among the Votyaks in the first half of the XIX century]. Vjatka: Gubernskaja tipografija, 1911. 318 p.
 10. Nauchnyj arhiv Udmurtskogo instituta istorii, jazyka i literatury Udmurtskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra UrO RAN [Scientific Archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Tape cassette No. 201, 2005].
 11. Nauchnyj arhiv Udmurtskogo instituta istorii, jazyka i literatury Udmurtskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra UrO RAN [Scientific Archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Case No. 2N–1383”b”, 2005]. 40 p.
 12. Nurieva I. M. Pesni zavyatskih udmurtov. Vyp. 2 [Songs of the Zavyat Udmurts. Issue 2]. Izhevsk: UIIYAL Uro RAN, 2004. 332 p. (Udmurt folklore).
 13. Nurieva I. M. Udmurtskaya muzykal'naya fol'kloristika. Stranicy istorii [Udmurt musical folklore. Pages of history]. Izhevsk, 2021. 179 p.
 14. Pervonachal'nyj uchebnik russkogo jazyka dlja votjakov [The initial textbook of the Russian language for votyaks]. Kazan': Izd. Pravoslav. missioner. o-va, 1892. 121 p.
 15. Popova E. V. Igrushki iz rastenij v detskoj igrovoj kul'ture udmurtov i besermjan [Toys made of plants in the children's play culture of Udmurts and Besermyans]. *Tradicionnaja kul'tura* [Traditional culture]. 2005. No 3, pp. 85–93.
 16. Puteshestviya k udmurtam i marijcam. Pis'ma Uno Hol'mberga 1911 i 1913 gg. [Travels to Udmurts and Mari people. Letters of Uno Holmberg in 1911 and 1913]. Saint Petersburg, 2014. 224 p. (the series “Finland in Russia”).
 17. Rittih A. F. Materialy dlja jetnografii Rossii. Kazanskaja gubernija. XIV. Ch. 2. [Materials for the ethnography of Russia. Kazan province. XIV. Part 2]. Kazan', 1870. 225 p.
 18. Rychkov N. P. Zhurnal ili putevye zapiski 1769–1770 [Journal or travel notes 1769–1770]. Saint Petersburg: Imp. Akad. nauk, 1770. 189 s.

19. Udmurty. Istoriko-etnograficheskie ocherki. Nauch. red. V. V. Pimenov [Udmurts. Historical and ethnographic essays. Scientific ed. by V. V. Pimenov]. Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 1993. 388 s.
20. Frolova I. S. Komplektovanie kollekcij po jetnografii besermjan v sobranii Rossijskogo jetnograficheskogo muzeja [Acquisition of collections on the ethnography of the Besermians in the collection of the Russian Ethnographic Museum]. *O besermjanah. Sbornik statej* [About the Besermyans. Collection of articles]. Izhevsk, 1997, pp. 121–129.
21. Shtejnfel'd N. P. Besermjane. Opyt jetnograficheskogo issledovanija [The Besermians. The experience of ethnographic research]. *Kalendar' i pamjatnaja knizhka Vjatskoj gubernii na 1895 g.* [Calendar and commemorative book of the Vyatka province for 1895]. Vjatka, 1894, pp. 220–259.